Вспомнив, как пристальный взгляд Цзи Юньчэня задержался на ней только что, Чжоу Фэй серьезно спросила себя: если бы я была на его месте, я бы тоже поступила так опрометчиво?

Она решила, что нет – в любом случае, она была неспособна победить кого бы то ни было, так что любой вызов был бы просто огромным и ненужным унижением.

Чжоу Фэй почувствовала себя немного подавленной этим выводом и попыталась утешить себя: «Ну, настоящий ученик Клинка Юга - это не я, а моя мать, и она, безусловно, справляется намного лучше, чем он».

Если бы Ли Цзиньжун знала, о чем думает Чжоу Фэй, она могла бы пороть свою дочь в течение нескольких дней.

Цзи Юньчэнь замолчал. Инь Пэй, наоборот, казался более энергичным, чем когда-либо, и высокомерно воскликнул: «Что за шутка! Даже несмотря на то, что мой отец был ранен, он все равно мог легко избить тебя, пока ты не взмолился бы о пощаде!»

При этих словах выражение лиц у всех стало неприятным, и даже У Чучу почувствовала, что больше не выдержит подобных разговоров – рослый, взрослый молодой человек полностью полагался на имя своего отца, чтобы унизить других, в то время как сам он не сделал ничего достойного. Его высокомерие не знало стыда.

Чжоу Фэй с ужасом осознала, что то, что она думала о своей матери, звучало очень похоже на бесстыдное хвастовство этого молодого человека. Она быстро опустила голову.

Цзи Юньчэнь, казалось, не обиделся на слова Инь Пэя, спокойно сказав: «Ты прав, я вообще не был ровней Инь Вэньланю... и не только в боевых искусствах!»

Се Юнь растирал наполненный вином кубок в своих руках, чтобы согреть их, и медленно произнёс: «Герой Цзи, слова подобны каплям, некоторые падают на вас, как хорошее лекарство для души, в то время как другие отравляют ваш разум и заманивают вашу душу в ловушку. Как только вы позволите таким словам проникнуть в вас, вы позволите другим контролировать себя. Но вам не стоит слишком сильно себя из-за этого корить. Возможно, вы поступили опрометчиво и заглотили наживку – но тьма человеческих сердец непостижима, в то время как вы были честны и чисты сердцем. Более того, вы тогда были молоды».

Цзи Юньчэнь молча поклонился Се Юню в знак благодарности.

Но Инь Пэй взревел: «Ты ничего не знаешь! Ты знаешь, каково это, когда убивают всю твою семью?»

То, что У Чучу рассказала об истории принца Дуаня, внезапно пришло в голову Чжоу Фэй, и она неосознанно взглянула на Се Юня.

Тем не менее, лицо Се Юня оставалось совершенно спокойным, а его глаза даже не моргнули. Он любезно улыбнулся и сказал Инь Пэю дружелюбным голосом: «Мой дорогой юный герой Инь, у каждого платежа свой должник. Но ты требуешь возврата денег не от того человека. Хотя он не держит на тебя зла, потому что жалеет тебя, ты думаешь, это означает, что ты победил? Разве настоящий преступник не посмеется над твоей глупостью прямо сейчас?»

Лицо Инь Пэя покрылось пятнами от смеси ярости и смущения, которые он испытывал, и он едва мог говорить.

- Большое спасибо тебе, молодой мастер, за то, что говоришь от моего имени», - сказал Цзи Юньчэнь. Он не слышал, чтобы Вэнь Юй называл Се Юня «принцем Дуанем» за пределами гостиницы, но слышал, как господин Бай называл его «третьим мастером», поэтому последовал его примеру. Он продолжил: - Но я действительно совершил серьезную ошибку, и я действительно в долгу. Бесполезно отрицать это.

Чжоу Фэй, наконец, поняла, что имел в виду Се Юнь, когда назвал Цзи Юньчэня «довольно порядочным человеком».

Если у человека хватало порядочности испытывать стыд и открыто признавать свои ошибки, то каким бы жалким и бесхребетным он ни казался, он был, по крайней мере, порядочным человеком, пусть и не совсем героем.

Цзи Юньчэнь рассказывал дальше:

- Я только позже узнал, что незадолго до моего вызова Инь Вэньлань как раз отбился от этих северных собак и уже был довольно серьезно ранен. Но так как я вынудил его, у него не было другого выбора, кроме как выйти на бой со мной, будучи раненым. Тем не менее, я не мог сравниться с ним, и во время нашего боя у него был шанс убить меня, но он этого не сделал, решив вместо этого продлить бой и усугубить свои травмы. Я до сих пор помню, что он мне сказал...

- Что он сказал? – спросила Чжоу Фэй.

- Он сказал: «Несмотря на то, что мое поколение произвело на свет много великих бойцов, впереди трудные времена, и всем вам, молодым людям, придется столкнуться с изрядной долей грозных опасностей. Как я могу позволить тебе вот так просто погибнуть от моих рук?»

Чжоу Фэй подносила свою чашку прямо к губам, но в этот момент забыла выпить.

Цзи Юньчэнь, как завороженный, смотрел в свою чашку.

В молодости он был импульсивен и горд, и хотя был порывист, его страстно подпитывало неистовое чувство преданности и справедливости. Молодые люди часто могли пить до рассвета

с людьми, которых они только что встретили, но быстро переходили к драке после всего нескольких слов.

Но двадцати лет было достаточно, чтобы камни превратились в песок. Этого также было достаточно, чтобы полностью изменить человека.

- Несмотря на то, что я потерпел поражение от Инь Вэньланя, моя неудача была полностью оправдана, и я был совершенно убежден, что он превосходил меня. Естественно, я собирался вернуть ему его сына. Но когда я привел Пэя обратно в поместье Инь...

Лицо Инь Пэя исказилось от ярости.

Чжоу Фэй немного поразмыслила над этим, а затем спросила:

- Итак, кто-то использовал вас, чтобы измотать Инь Вэньланя, и после того, как вы ушли, немедленно напал на поместье Инь - кто бы это мог быть?

Цзи Юньчэнь сказал, что Инь Вэньлань незадолго до этого сражался с Большой Медведицей. Клинок Гор и Рек был легендарным бойцом и, возможно, даже более искусным, чем Ли Чжэн. Если Инь Вэньлань был ранен, то тем, кто причинил ему вред, вероятно, было гораздо хуже. Маловероятно, что Большая Медведица спланировала бы крупную атаку с одной стороны, а также заранее понесла бы неоправданно большие потери, как эти.

Цзи Юньчэнь сделал еще один глоток рисового вина, но промолчал.

Хуа Чжэнлун внезапно взревел:

- Брат, почему ты все еще защищаешь этого парня! Почему ты не можешь сказать правду? Это правда, что выдающиеся люди являются объектом большой зависти, и многие в то время пытались свергнуть Инь Вэньланя. В течение последних нескольких лет мы двое маскировались под обычных людей, чтобы узнать правду об этих событиях. Мы знаем, что одним из тех, кто нацелился на Инь Вэньланя, был Большой Ковш. Они пытались заставить клан Инь присягнуть на верность ложной династии. Было также много других мелких рыбешек, которые пытались присоединиться к Большой Медведице в нападении на него после этого, о которых не стоит упоминать. Но кроме них, был еще один главный виновник – Инь Пэй, слушай внимательно, это твой добрый крестный отец!

Чжоу Фэй думала, что эти слова заставят Инь Пэя мгновенно вскочить, как собаку, которой наступили на хвост, и начать безумно лаять. Вместо этого Инь Пэй закрыл рот, и хотя он мрачно посмотрел на Хуа Чжэнлуна, он вообще ничего не сказал. Судя по выражению его лица, он не был так уж удивлен.

Холодно усмехнувшись, Хуа Чжэнлун похлопал Цзи Юньчэня по плечу единственной

оставшейся рукой и сказал:

- Разве ты не видишь, какого монстра ты вырастил?

Цзи Юньчэнь выплеснул остатки вина в свой кубок. Возможно, он выпил его слишком быстро – всё его лицо мгновенно покраснело, а большая вена на виске заметно выступила из-под кожи, как будто могла лопнуть.

Хуа Чжэнлун с горечью сказал:

- Этот дурак, которого я называю братом, был обременен чувством вины в течение последних двадцати лет, не имея возможности хорошо выспаться ни одной ночи. Он поклялся никогда больше ни с кем не драться, если только не для того, чтобы убить своего врага, – и даже сам вырастил этот неблагодарный ужас, уступая каждой его прихоти и фантазии.

Инь Пэй рассмеялся:

- Он может винить только в том, что нельзя прятать скелеты в шкафу – великий герой Хуа, позволь мне спросить тебя, если бы ты однажды узнал, что твой приемный отец был человеком, из-за которого убили всю твою семью, ты бы все еще притворялся послушным и любящим сыном каждый день?

Было ясно, что Хуа Чжэнлун уже довольно давно сыт по горло Инь Пэем. Гнев ожесточил его обычно веселое лицо:

- Я, конечно, не смог бы! Но у тебя, похоже, много практики в этом с Лазурным Драконом. Какой ты героический молодой человек.

Цзи Юньчэнь взревел:

- Хватит!

Хуа Чжэнлун швырнул свой кубок с вином на землю. Указав на Цзи Юньчэня, он сказал Инь Пэю:

- Когда ты тогда ушёл, не сказав ни слова, ты знаешь, как отчаянно он искал тебя? Потом, когда ты вернулся, я подумал, что ты выглядишь странно, и неоднократно предупреждал его быть осторожным. Но этот парень не слушал.

Повернувшись к Цзи Юньчэню, он сказал:

- А что случилось потом, а? Тебе было больно, когда тебя укусила за руку собака, которую ты кормил? Было приятно разорвать свои собственные меридианы?

Воспоминания о прошлых днях переросли в настоящую ссору.

Оставшиеся трое присутствующих молодых людей были в полном неведении о том, о чем спорили эти люди, и могли только собрать воедино немного правды, основываясь на всех криках тут и там – Инь Пэй, должно быть, каким-то образом узнал, что уничтожение клана Инь имело какое-то отношение к Цзи Юньчэню, и ушел в гневе. Он, вероятно, случайно столкнулся с Лордом Лазурным Драконом, каким-то образом был им усыновлен и начал свое обучение в качестве злодея-в-ожидании. Казалось, у него был природный талант быть злым, так как вскоре он был вознагражден за свои усилия – вскоре после выбора этого темного пути ему удалось устроить засаду на Цзи Юньчэня, заставив его разорвать свои собственные меридианы.

Цзи Юньчэнь внезапно поднялся на ноги:

- Мы достаточно отдохнули. Позвольте мне проводить вас сейчас.

Хозяин гостиницы был ловким парнем, и даже после того, как он потерял хладнокровие, ему нужно было только ненадолго закрыть глаза, чтобы восстановить его. Он держал Инь Пэя в замке, сжимая горло молодого человека, чтобы помешать ему говорить, и последовал за остальными.

Когда они снова увидели солнечный свет, было уже близко к полудню.

Для вышедших из темноты свет был немного ослепительным. Оглядевшись вокруг, Чжоу Фэй увидела, что перед ними действительно возвышается гора Хэн. Если бы она вытянула шею, то смогла бы смутно разглядеть вершину, окутанную облаками. Горные хребты были украшены пышным зеленым ковром, который казался слоем густых бамбуковых лесов. Это была поистине величественная сцена. Было обидно, что эти великолепные горы были совершенно лишены людей. Она могла видеть поблизости несколько деревень, состоящих из нескольких групп полуразрушенных домов. Но всё это были просто руины, живые существа внутри которых давным-давно сбежали. Без каких-либо признаков человеческой жизни, только дикие птицы парили над пустыми горами, делая атмосферу устрашающе мрачной.

Все в их маленькой компании уже привыкли быть в дороге и не чувствовали усталости даже после ночной прогулки. Но, украдкой взглянув на У Чучу, Чжоу Фэй сказала: «Давай немного отдохнем. Еще рано, не поздно будет продолжить во второй половине дня».

У Чучу, казалось, испытала огромное облегчение при этих словах и плюхнулась на землю. Она чуть не легла прямо там.

Се Юнь поклонился Цзи Юньчэню:

- Большое спасибо герою Цзи за то, что привел нас сюда.

Цзи Юньчэнь покачал головой и спросил:

- Куда вы направляетесь, молодой мастер?

Се Юнь улыбнулся:

- Для такого праздного человека, как я, мир - моя устрица. Но я боюсь, что вы, господа, больше не сможете вернуться в гостиницу «Три источника». Куда вы намерены отправиться?

При этом идея пришла в голову Чжоу Фэй, и она поспешила на помощь госпоже Ли обрести нескольких друзей:

- Если хотите, вы также можете вернуться со мной в 48 крепостей.

Хотя бледнолицый молодой человек Пэй Инь представлял небольшую проблему – было бы хлопотно вести его с собой, но она не могла убить его. Может быть, им следует выпустить его на волю? Однако это, похоже, не очень хорошо для окружающей среды.

Хуа Чжэнлун слабо улыбнулся и открыл рот, чтобы ответить. Но как раз в этот момент спокойствие гор было нарушено звоном гонга, который заставил стаи птиц шумно взмыть в небо. Все волосы на теле Чжоу Фэй встали дыбом. Она спросила Се Юня: «Разве ты не говорил, что Вэнь Юй был отличным бойцом? Как эта нечестивая группа музыкантов так быстро догнала нас?»

Се Юнь хотел сказать: «Ха, ты думаешь, генерал Вэнь стал бы драться с этой кучкой неправоверных бойцов, как только понял, что его призовой улов пропал? Он и его люди, вероятно, ушли, как только поняли, что меня там нет».

Но он знал, что его наверняка побьют, если он скажет это вслух. Быстро приспособив свои черты лица к своей лучшей попытке выглядеть несчастным, он вздохнул:

- Я тоже не знаю, почему, но, похоже, основополагающее правило жизни состоит в том, что дела почти никогда не идут так, как мы хотим.

Чжоу Фэй посмотрела на него краем глаза и сильно наступила ему на ногу.

Се Юнь: «...»

- Я тоже не знаю, почему, - сказала Чжоу Фэй, - но, похоже, это главное правило жизни:

каждый раз, когда ты строишь мне глазки, мне хочется тебя избить.

При этих словах она подняла саблю и настороженно огляделась. Звук этого гонга разнесся по всем окрестным горам и долинам, делая невозможным определить направление, откуда он доносился. Его рука все еще сжимала горло Инь Пэя, когда Хуа Чжэнлун сказал: «Следуйте за мной!»

Их маленькая компания пустилась в безумный бег под грохот звонких гонгов.

Хозяин гостиницы, очевидно, провел здесь много лет и был хорошо знаком с местностью. Он умело петлял между густыми горными лесами. Чжоу Фэй все еще могла отслеживать их маршрут в начале, но после того, как они продолжили в том же духе некоторое время, она полностью потеряла чувство направления и могла только опустить голову и следовать за ним. Звук этих гонгов постепенно становился все тише. Хуа Чжэнлун, наконец, привел их к месту на полпути вверх по горе – дорога здесь была очень узкой, и вдоль нее даже была естественная пещера, где можно было отдохнуть. Здесь они могли избежать обнаружения, если спрятаться внутри, а её расположение на склоне горы облегчало защиту и затрудняло атаку.

Оглядев окрестности, Чжоу Фэй едва успела вздохнуть с облегчением, когда услышала визг У Чучу. Группа белых фигур плыла к ним и в считанные мгновения уже оказалась у подножия тропинки, ведущей к ним. Человек в белом, стоявший впереди, водрузил флаг с Лазурным Драконом рядом с тропинкой, а затем группа разделилась на два аккуратных ряда. Лорд Лазурный Дракон с рыбьим лицом выступил вперёд. Он неторопливо посмотрел на Чжоу Фэй и ее спутников, все они были либо ранены, либо совершенно беззащитны. Он поднял руку. Большая серая крыса внезапно появилась на дереве рядом с Инь Пэем и прыгнула на ладонь Лорда Лазурного Дракона.

Лорд Лазурный Дракон нежно погладил ее, приглаживая спутанный мех, и поднес к губам для поцелуя без тени отвращения. Он улыбнулся: «Никто не может украсть собаку с ошейником».

Шея Инь Пэя довольно долго находилась в руках Хуа Чжэнлуна, и было удивительно, что он еще не потерял сознание. Теперь, когда хватка Хуа Чжэнлуна внезапно ослабла, у него, наконец, появилась возможность заговорить: «Нам каждый день дают пилюлю, которая наполняет нас определенным ароматом. Он незаметен для всех, кроме этой маленькой мышки в его руке. С его помощью вас выследят даже на краю света. Кто просил вас всех так упорно держать меня в заложниках?»

Тот факт, что Инь Пэй решил раскрыть эту важную информацию только сейчас, лишь подтвердил впечатление Чжоу Фэй о том, что он действительно отвратителен. Даже знания о том, что он единственный оставшийся потомок Меча Гор и Рек, было недостаточно, чтобы удержать ее от собственноручного убийства этого человека.

Лорд Лазурный Дракон раскрыл ладонь. Большая серая крыса быстро взбежала по его руке на плечо и чопорно уселась на нем, пока ее глаза-бусинки метались по сторонам. Лорд Лазурный Дракон сказал: «Действительно. Если вы сейчас вернете мне мою маленькую собачку, я буду

достаточно любезен, чтобы оставить ваши трупы нетронутыми».

Чжоу Фэй собиралась возразить, но Се Юнь быстро поднял руку, чтобы заставить ее замолчать.

Он сделал маленький шаг вперед, крутя маленьким веером, о наличии которого Чжоу Фэй и не подозревала. Он выглядел поистине царственно, и совсем не так, как тогда, когда прятался за Чжоу Фэй и умолял ее спасти его прямо сейчас. Се Юнь вытащил что-то из рукава и подбросил в воздух. Со свистом в небо взметнулась вспышка, за ней потянулись искры. Даже при дневном свете они были ослепительно яркими.

Лицо Лорда Лазурного Дракона потемнело, и он быстро огляделся. Горный бриз просвистел мимо него, шелестя окружающими деревьями, которые, казалось, скрывали людей, лежащих в засаде.

Се Юнь ухмыльнулся ему: «Правда? Это первый раз в моей жизни, когда мое царственное «я» слышит, как кто-то говорит, что он соизволит оставить мой труп нетронутым. Ц-ц, даже Цао Чжункунь отказался это сделать. Похоже, что Лорд Лазурный Дракон гораздо более великодушен, чем он».

Чжоу Фэй посмотрела на Се Юня в полном шоке. В мгновение ока он превратился из маслянистого обманщика в «принца Дуаня». Она едва могла переварить быстроту этого преображения. Затем Се Юнь повернулся спиной к Лорду Лазурному Дракону. Его загадочное выражение лица внезапно снова изменилось, и он состроил смешную гримасу Чжоу Фэй.

Чжоу Фэй: «…»

Се Юнь медленно подошел к Инь Пэю. Перед одинаково ошеломленными лицами Инь Пэя и Хуа Чжэнлуна он поднял подбородок молодого человека своим веером. Внимательно изучив его, он слегка похлопал Инь Пэя по щеке и сказал: «Сначала я не совсем поверил в это, но поскольку Лорд Лазурный Дракон использовал ради тебя тяжелую артиллерию, я полагаю, что то, о чём я слышал, правда?»

О чём это он?

Никто из них не имел ни малейшего представления, о чем он говорит. Они могли только напрягаться, чтобы сохранить маску безразличия на своих лицах, изо всех сил стараясь, чтобы ни малейший след замешательства на их лицах не выдал его игру.

Его глаза остановились на лице Инь Пэя, и Се Юнь медленно сказал: «Отдай Клинок Гор и Рек, и я сохраню тебе жизнь».